

Большая и малая эсхатология в русской художественной культуре XVII века

Аннотация. Представления о жизни и смерти и об исходе человеческой судьбы и истории занимали центральное место в менталитете позднего средневековья. Поэтому значительное место в русской художественной культуре «переходного» времени заняли Апокалипсис и Синодик. Их сюжеты и образы отвечали духу эпохи ломки традиционных жизненных устоев, государственных и церковных реформ, изменения социокультурной парадигмы.

В докладе рассматривается проблема преломления апокалиптических и синодичных образов в различных видах русской художественной культуры XVII в.: монументальной живописи, книжной миниатюре, гравюре.

Ключевые слова. Апокалипсис, Синодик, эсхатология, культура, фреска, лицевая книга, миниатюра, гравюра.

Эсхатология занимает особое место среди ключевых тем русской средневековой культуры так же как и культуры средневекового Запада. В последнее столетие средневековья, на пороге петровских преобразований русское общество пережило свой, по терминологии А. Дж. Тойнби, «религиозный ренессанс», утвердив главной духовной целью очищение православной веры.¹ И ведущим направлением религиозной мысли, литературы и искусства становится эсхатологическое, представленное апокалиптикой и примерами древнего и нового благочестия перед лицом вечной жизни после смерти.

Как пишет А. Л. Юрганов:

если в XV—XVI вв. русских людей волновало время прихода Христа, то в следующем веке их внимание переключилось на символическое число,² смысл которого недвусмысленно указывал на Антихриста. Его приход стал тревожить не меньше, чем само Второе Пришествие Христа...³

Убежденность в воцарении Антихриста влекла за собой и ожидание скорого Конца света. По вычислению книжников, Антихрист должен был явиться в 1666 г., а через три года в 1669 г. состояться и сама кончина мира. Позже эти события были перенесены соответственно на 1699 и 1702 гг. В неминувости осуществления апокалиптических предсказаний убеждали и грозные предзнаменования в реальной жизни: страшная моровая язва 1654 г., унёсшая жизни почти половины населения центра страны, голод 1655—1656 гг., реформа русской церкви, повлекшая за собой раскол и многолетние дискуссии о вере.⁴

Росту и конкретизации эсхатологических ожиданий в XVII ст. способствовало расширение возможностей доступа грамотной части населения к самому тексту Апокалипсиса Иоанна Богослова. В начале XVII в. украинским богословом Лаврентием Зизанием (Тустановским) был сделан славянский перевод «Толкования на Апокалипсис архиепископа

* Суккина, Л. Б. Большая и малая эсхатология в русской художественной культуре XVII века. — Доклад читался на научной конференции «Эсхатология. История и современность», 2003 год. Детали публикации автор скрывает. Источники привязаны к тексту аналитически и могут не соответствовать авторской привязке.

¹ Тойнби, А. Д. Постигание истории / А. Д. Тойнби. — М., 1991.

² 666. — Л. С.

³ Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. — М., 1998.

⁴ Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. — М., 1992. — Т. 2.

Андрея Кесарийского». Он получил распространение в рукописных копиях и киевском издании Памвы Берынды 1625 г.

Апокалиптические настроения приобрели особенный размах в середине — второй половине XVII в., чему немало способствовали события, связанные с расколом русской церкви. Учение об Антихристе стало одним из основных у старообрядцев. Сам Антихрист нередко персонифицировался ими в образах патриарха Никона, царей Алексея Михайловича и, позже, Петра Алексеевича. Резко обличая порядки на земле перед антихристовым пришествием, сторонники старой веры свои надежды на лучшее связывали с хилиастическими¹ мечтами о Царстве божьем.² В связи с этим Московский церковный собор 1666—1667 гг. был вынужден, в свою очередь, рассмотреть вопросы об использовании Апокалипсиса в борьбе с «расколоучителями». На соборе было заявлено, что слова о пришествии Антихриста следует отнести к самим раскольникам, а не к официальной церкви.³

Пик интереса к теме Апокалипсиса в изобразительном искусстве XVII в. также падает на середину — вторую половину столетия. В это время особенно часто Апокалипсис используется во фресковых росписях костромской и ярославской школ. Это фрески собора Кириллово-Белозерского монастыря, церкви Троицы Калязина монастыря, церкви Николы Надеина в Ярославле, Крестовоздвиженского собора в Романово-Борисоглебске (Тутаеве), церкви Троицы в Никитниках в Москве.⁴ Блистательное воплощение эта тема нашла в росписи Троицкого собора Данилова монастыря в Переславле-Залесском, выполненной в самый острый момент эсхатологического ожидания в 1666—1668 гг.

Серединой XVII в. (1646—1662) датируется первый русский Апокалипсис, гравированный на дереве дьяконом Прокопием. Книга состоит из 25 ксилографий горизонтального формата и иллюстрирует основные моменты Откровения Иоанна Богослова.⁵

Ко второй половине XVII в. относится большинство сохранившихся лицевых рукописей Толкового Апокалипсиса, в зримых образах воспроизводящих грядущие трагические и ужасные события.⁶

До самого конца XVII столетия апокалиптические идеи одинаково волновали обе стороны духовного конфликта: традиционалистов и сторонников церковной реформы. Конец ожидания для паствы официальной церкви наступил после благополучного пересечения последней тревожной даты — 1702 г. В 1703 г. местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский в своём сочинении «Знамения пришествия Антихристового и кончины века» доказывал, что этого пришествия в ближайшем будущем не ожидается.⁷

С начала XVIII в. у верхушки общества начинает преобладать рационалистическое ренессансно-барочное мировоззрение. Страшный Суд превращается в отвлечённую «внечувственную» идею, а Второе Пришествие Христа отодвигается во времени. В связи с этим тема Апокалипсиса остаётся актуальной только для старообрядческой художественной культуры.

XVII столетие было временем распространения в русском обществе и малой или личной эсхатологии, сосредоточенной на проблемах посмертной судьбы души конкретного человека. Тема «прения живота со смертью» в этот период встречается даже в иконописи,⁸ но наиболее полное воплощение получает в лицевых рукописях синодиков.

В XVII в. синодик как позднесредневековая многофункциональная книга, представлявшая собой список имён для церковного поминания с литературным предисловием-сборником, составленным из нравоучительных текстов, переживал свой расцвет. В нём мно-

¹Хилиазм — религиозное учение, согласно которому концу мира будет предшествовать тысячелетнее «царство божье» на земле. Хилиастические идеи выражали надежду на прекращение социальной несправедливости не в «царстве небесном», а на земле. — *Ред.*

²Панченко, А. М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. — Л., 1984.

³Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов. — М., 1893.

⁴Овчинникова, Е. С. Церковь Троицы в Никитниках / Е. С. Овчинникова. — М., 1970.

⁵Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции: Каталог выставки. — М., 1995.

⁶Буслав, Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й / Ф. И. Буслав. — М., 1884. — Т. 1—2.

⁷Знамения пришествия Антихриста и кончины века / Под ред. С. Яворский. — М., 1703.

⁸Брюсова, В. Г. Русская живопись XVII века / В. Г. Брюсова. — М., 1984.

гие специалисты видят аналогию западноевропейским народным книгам, таким как «Пляски смерти» или «Искусство умирать».¹

Наши собственные наблюдения, сделанные на основе вкладных и владельческих записей на лицевых рукописях синодиков, позволяют утверждать, что они не только использовались в богослужебной практике монастырей, городских и сельских храмов, но и выполняли функции повседневно-нравственно-учительного чтения в разных слоях общества: от царского окружения до семей посадских и зажиточных крестьян. Синодик наилучшим образом соответствовал представлениям русского позднего средневековья о книге как об энциклопедии — вместилище вечных идей, «круге знания» (А. С. Орлов).²

В состав литературного предисловия включались статьи о необходимости церковного поминовения усопших со ссылками на Священное Писание и труды отцов Церкви, о судьбе души и тела после смерти, фрагменты из космографий и месяцесловов календарного характера, отрывки из агиографической литературы, Слова Палладия Мниха о Втором Пришествии и Страшном суде и другие тексты. Для синодиков конца XVII — начала XVIII в. источниками текстов нередко служили «Великое зеркало», «Небо новое» и «Звезда пресветлая».

Богатый нравоучительными сюжетами текст Синодика идеально подходил для иллюстрирования. Примерно четверть сохранившихся до нашего времени рукописей синодиков — лицевые памятники, украшенные большим количеством миниатюр (в некоторых экземплярах их число доходит до 200—300). Лицевые синодики неравноценны по своим художественным качествам. Книга, учившая русского человека XVII в. соблюдать правила обыденного благочестия с целью обеспечения вечного блаженства на небесах, пользовалась широким спросом, перепиской и иллюстрированием синодиков занимались писцы и художники разного уровня как в столице, так и в провинции. Многие зависело от назначения книги и от материальных возможностей заказчика. Но, в любом случае, её иллюстрации должны были усилить «учительный эффект», демонстрируя даже неграмотным, что бренный мир и его радости не имеют никакой ценности по сравнению с вечным блаженством или вечными муками, а земная жизнь — всего лишь подготовка к истинной жизни или окончательному забвению.

Широкая популярность лицевого рукописного синодика способствовала созданию и тиражированию его гравированных аналогов. В Отделе рукописей ГИМ хранится синодик, переписанный от руки, но с 56 раскрашенными гравюрами на дереве.³

Более известен так называемый Синодик Леонтия Бунина, гравированный на меди. Его первая редакция с гравюрами Л. Бунина, В. Андреева и А. Трухменского, по утверждению Д. А. Ровинского, появилась в 1670—1680-х гг.⁴ Наиболее распространённым стал синодик, гравированный Л. Буниным, В. Андреевым, Г. Тепчегорским и А. Трухменским около 1700 г. Он выдержал на протяжении XVIII в. несколько изданий. Первоначально книга состояла из 27 гравированных листов, потом их число увеличилось до 40. Один из вариантов с виршами Симеона Полоцкого и Кариона Истомина, созданный по кончине патриарха Адриана, стал образцом для рукописных синодиков XVIII столетия.⁵

После вывода Синодика в XVIII в. из богослужебной практики его проблематика ещё на протяжении почти двух столетий оставалась актуальной для повседневного личного благочестия в русском православии и служила примером малой эсхатологии.⁶

Ещё Й. Хейзинга отмечал, что представления о жизни и смерти и об исходе человеческой судьбы и истории занимали центральное место в менталитете позднего средневековья.⁷ Поэтому Апокалипсис и Синодик заняли значительное место в художественной культуре

¹ Держачёва, И. В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика) / И. В. Держачёва. — Мюнхен, 1990.

² Орлов, А. С. Книга русского средневековья и её энциклопедические виды / А. С. Орлов // Доклады АН СССР. — 1931. — Серия В. — № 3. — С. 35—47.

³ Грибов, Ю. А. Рукописный синодик с гравюрами на дереве рубежа 80—90-х годов XVII века / Ю. А. Грибов // Филёвские чтения: Тезисы конференции 16—19 мая 1995 г. — М., 1995. — С. 22—25.

⁴ Ровинский, Д. А. Русские народные картинки / Д. А. Ровинский. — СПб., 1881. — Т. 3: Притчи и листы духовные.

⁵ Петухов, Е. В. Очерки из литературной истории Синодика / Е. В. Петухов. — СПб., 1895.

⁶ Хромов, О. Р. Русская лубочная книга XVII—XIX веков / О. Р. Хромов. — М., 1998.

⁷ Хейзинга, Й. Осень средневековья / Й. Хейзинга. — М., 1988.

«переходного» столетия русской истории. Их сюжеты и образы отвечали духу эпохи ломки традиционных жизненных устоев, государственных и церковных реформ, изменения социокультурной парадигмы общественного развития.

Литература

1. Брюсова, В. Г. Русская живопись XVII века / В. Г. Брюсова. — М., 1984.
2. Буслаев, Ф. И. Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений по русским рукописям с XVI-го века по XIX-й / Ф. И. Буслаев. — М., 1884. — Т. 1—2.
3. Грибов, Ю. А. Рукописный синодик с гравюрами на дереве рубежа 80—90-х годов XVII века / Ю. А. Грибов // Филёвские чтения: Тезисы конференции 16—19 мая 1995 г. — М., 1995.
4. Дергачёва, И. В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика) / И. В. Дергачёва. — Мюнхен, 1990.
5. Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов. — М., 1893.
6. Знамена пришествия Антихриста и кончины века / Под ред. С. Яворский. — М., 1703.
7. Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. — М., 1992. — Т. 2.
8. Овчинникова, Е. С. Церковь Троицы в Никитниках / Е. С. Овчинникова. — М., 1970.
9. Орлов, А. С. Книга русского средневековья и её энциклопедические виды / А. С. Орлов // Доклады АН СССР. — 1931. — Серия В. — № 3.
10. Откровение св. Иоанна Богослова в мировой книжной традиции: Каталог выставки. — М., 1995.
11. Панченко, А. М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. — Л., 1984.
12. Петухов, Е. В. Очерки из литературной истории Синодика / Е. В. Петухов. — СПб., 1895.
13. Ровинский, Д. А. Русские народные картинки / Д. А. Ровинский. — СПб., 1881. — Т. 3: Притчи и листы духовные.
14. Тойнби, А. Д. Постижение истории / А. Д. Тойнби. — М., 1991.
15. Хейзинга, Й. Осень средневековья / Й. Хейзинга. — М., 1988.
16. Хромов, О. Р. Русская лубочная книга XVII—XIX веков / О. Р. Хромов. — М., 1998.
17. Юрганов, А. Л. Категории русской средневековой культуры / А. Л. Юрганов. — М., 1998.